

Д. А. Каунов

**ГЕРОИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ГОРОДА БОРОВСКА
КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ**

doi: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-121-128

УДК 94(470.318)

ББК 63.3(2Рос-4Кал)

В городе Боровске Калужской области в течение последних лет в институциональном измерении наблюдается интенсификация процесса героизации содержания местной публичной истории — исторического нарратива. Героизация осуществляется посредством памятников, произведений литературы, благодаря деятельности музеев, туристических и культурно-исторических организаций, образовательных учреждений при участии органов местного самоуправления и религиозных институтов и направлена, в частности, на повышение туристической привлекательности города, а также на просвещение и патриотическое воспитание населения. В качестве основных персонажей в местном историческом нарративе выступают выдающиеся деятели — герои истории Боровска, чья роль важна как в локальном, так и в общероссийском контексте. В ходе исследования было установлено, что сегодня важнейшим инструментом развития Боровска предстает история, которая становится преимущественным языком настоящего города в институциональном измерении. История — основной символический и экономический ресурс города, почти не имеющего на своей территории промышленных предприятий.

Ключевые слова: Боровск, малый город, публичная история, исторический нарратив, героизация, исторические личности, историческая память, локальная идентичность, российская гражданская идентичность, патриотизм, туризм

Город Боровск — административный центр Боровского района Калужской области с населением около 11 тыс. человек, который позиционирует себя как «малый исторический город» в силу богатого на события прошлого, наличия памятников истории и культуры и частично сохраненной дореволюционной застройки. Первое упоминание о городе датируется 1358 г. С Боровском связаны отдельные эпизоды таких исторических событий, как «стояние на реке Угре», Смутное время, церковный раскол, Отечественная война 1812 г., Великая Отечественная война, а также имена таких исторических деятелей, как протопоп Аввакум, Д. Н. Сенявин, Ф. И. Иноземцев, И. М. Прянишников, П. Л. Чебышев, К. Э. Циолковский и др.

В настоящее время в Боровске отмечается интенсификация процесса героизации содержания местной публичной истории. Это выражается в закреплении героических образов прошлого Боровского края и в акцентировании роли города в становлении российской государственности. Кроме того, значимым структурным компонентом исторического нарратива является сформированный «пан-

теон» героев — образов известных деятелей, связанных с Боровском, чей вклад в историю страны целенаправленно подчеркивается.

Рассмотрим процесс героизации исторического нарратива Боровска в институциональном измерении в течение последнего десятилетия (в период с 650-летнего юбилея города в 2008 г. до 660-летнего юбилея в 2018 г.), а также сопутствующие этому процессу проблемы и конфликты.

Процесс героизации содержания публичной истории Боровска прослеживается на протяжении всего постсоветского периода, но в течение последних 5–7 лет фиксируется настоящий «коммеморативный бум» на локальном уровне, который выражается в издании новой историко-краеведческой и публицистической литературы и в ее пропаганде среди населения, в появлении новых и развитии уже сложившихся исторических и военно-патриотических фестивалей, которые репрезентируют и интерпретируют прошлое города и района в героическом русле. Следует отметить, что большую роль в этом играют органы местного самоуправления.

Исторические события, происходившие на территории Боровского края, являются частью событий общенационального масштаба, поэтому есть все основания для сопряжения местной истории с общероссийской, и Боровску здесь отводится одно из центральных мест как «стражу тысячелетней российской государственности».

Каунов Дмитрий Александрович — аспирант, Центр этнополитических исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва)
E-mail: dkaunov93@gmail.com

В важности роли малых исторических городов, в частности, Боровска в истории Российского государства уверены представители местных институций: «В малых исторических городах начинается Россия. Чувство патриотизма вырастает из сознания причастности к глубоким корням. В истории самых малых городов и селений всегда отыщутся прочные узы, которые связывают их с великой историей нашей страны».¹

В ходе исследования нами были выявлены три основные цели культурной политики местной власти и аналогичной деятельности других институций, достижению которых способствует героизация содержания истории Боровского края:

1) культурная — сохранение историко-культурного наследия Боровска и просвещение местного населения;

2) экономическая — формирование привлекательного историко-культурного образа города и его презентация для «внешних наблюдателей» — потенциальных туристов;

3) общественно-политическая — патриотическое воспитание подрастающего поколения и всех местных жителей и, как следствие, укрепление их локальной и сопряженной с ней российской гражданской идентичности.

Следует отметить, что местная власть преследует в большей степени общественно-политическую цель; образовательные и религиозные институты — культурную и общественно-политическую цели, а учреждения культуры и туристические организации — культурную и экономическую.

В своем исследовании мы опирались на идеи, сформулированные в рамках «memory studies». Так, представители гейдельбергской школы культурологии Я. Ассман и А. Ассман, вдохновившись концепцией «коллективной памяти» М. Хальбвакса, развили предложенную Ю. М. Лотманом концепцию «культурной памяти». По их мнению, культурная память является символической репрезентацией истории сообщества, которая актуализирует прошлое группы посредством артефактов, празднеств, ритуализированных практик и локализуется в институтах памяти — библиотеках, музеях, памятниках и т. д.² Основной функцией культурной памяти они считают

формирование идентичности сообщества. Следует отметить, что ряд исследователей обоснованно объединяет понятия «культурная память» и «историческая память» по причине тесной взаимосвязи этих феноменов.

Еще один аспект, которому уделяется пристальное внимание, — это инструментализация исторической памяти властью и иными институтами и ее связь с идентичностью. Я. Ассман рассматривает два измерения культурной памяти — «холодную» память в форме незыблемого текста и «горячую» память в форме рассказа о прошлом, содержание которого подвергается актуализации и инструментализации. А. Ассман в рамках культурной памяти выделяет «политическую память», которая, по его мнению, подвержена инструментализации со стороны политических институций для конструирования идентичностей политических сообществ. В свою очередь, российский исследователь Л. П. Репина считает, что связь исторической памяти с идентичностью сообщества обоснована: историческая память является удобным инструментом для конструирования групповых идентичностей.³ Именно проблема инструментализации памяти является основополагающей в исследованиях, посвященных исторической политике («политике памяти», «символической политике»), где субъектом инструментализации истории выступают разнообразные политические силы. Для понимания феномена исторической политики и его существования в современном общероссийском контексте мы опирались на результаты исследования О. Ю. Малиновой, посвященного символической политике властвующей элиты в постсоветской России.⁴

Центральным понятием в настоящем исследовании выступает «публичная история». В общем понимании публичная история (public history) является деятельностью по популяризации исторического знания, а ее субъектами выступают историки, музеи, исторические парки, научно-популярные проекты и т. д. Но исследователи памяти термином «публичная история» часто обозначают производство «общепринятых» представлений о прошлом, способствующих формированию

¹ Боровск — сердце мое. 2018. 4 нояб., № 10 (17). С. 1.

² См.: Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014; Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

³ См.: Репина Л. П. Память и знание о событиях прошлого в историческом сознании и нарративах идентичности // Событие в истории, памяти и нарративах идентичности. М., 2017. С. 9–17.

⁴ См.: Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015.

идентичности и мобилизации групповой солидарности (в отличие от «профессиональной истории»)⁵ В таком понимании термин «публичная история» следует толковать как форму существования исторической памяти.

Термином «исторический нарратив» в исследованиях памяти принято обозначать дискурсивный тип повествовательного текста как интерпретации прошлого, форму и способ презентации исторической реальности. При этом он, с одной стороны, реалистичен, так как содержит правдоподобные сведения, а с другой — субъективен, поскольку является образом возможного прошлого и его концептуальным предпочтением.⁶ Исторический нарратив — это сюжетно оформленное повествование, предлагающее связную картину цепи исторических событий. При этом отдельные события-фрагменты могут быть самостоятельными повествованиями в составе исторического нарратива.⁷ В контексте настоящего исследования исторический нарратив рассматривается в качестве повествовательно оформленного содержания публичной истории как формы существования исторической памяти.

Кроме событий, важным структурным компонентом исторического нарратива являются образы исторических деятелей, которые, приобретая героические черты, подобно персонажам традиционных мифов становятся своего рода «двигателями» истории социальной группы. Исторический нарратив в этом случае может принимать характер исторического мифа, имеющего в основе реальные события.

Исследователь мифологии Дж. Кэмпбелл в работе «Тысячеликий герой» анализировал типичную сюжетную модель странствий и испытаний мифологического героя и его трансформации. Интерес представляют следующие инкарнации героя традиционного мифа, выделенные автором: «герой как воин» («the hero as warrior»), «герой как спаситель мира» («the hero as world redeemer») и «герой как святой» («the hero as saint»). Первый является борцом с тираном, с нежизнеспособным порядком; второй — защитником мира от посягательств чудовища; третий — святым или аскетом, беспристрастным и умиротворенным.⁸ Филолог Е. М. Мелетинский в статье, посвященной

культурному герою в мифологии, определил его как первопродка, демиурга, того, кто является зачинателем социальной организации и просветителем («герой-добытчик»). Кроме того, он может являться борцом с силами, которые пытаются нарушить действующий порядок («герой-богатырь»)⁹ На основании этой концепции автор обосновывал место Ленина и Сталина в «советской мифологии» в качестве «культурных героев».¹⁰ (Отметим, что функции «героя-добытчика» Е. Мелетинского во многом сходны с функциями «героя как воина» Дж. Кэмпбелла, а функции «героя-богатыря» — с функциями «героя как спасителя мира».)

Немецкий историк Ф. Б. Шенк на конкретном примере истории памяти об Александре Невском анализировал процесс конструирования героического образа исторического деятеля в русской культурной памяти и значение этого символа для становления групповой идентичности.¹¹ В его работе заметно влияние идей Я. Ассмана и А. Ассман, к тому же исследователь использует концепцию «места памяти» («lieux de mémoire»), введенную в научный оборот П. Нора. Наконец, американский историк Д. Л. Бранденбергер на примере сталинской эпохи показал, как средствами идеологической политики в массовой культуре формировались в целях национальной консолидации героические образы исторических деятелей.¹²

Основываясь на данных идеях, в ходе анализа конкретных источников мы выделили условные типы образов героев боровского исторического нарратива: «герой-воин» («герой-защитник») (на основе «героя как спасителя мира» и «героя-богатыря»), «герой-основатель» (на основе «героя как воина» и «героя-добытчика»), «герой-святой» (на основе «героя как святого») и «герой-мученик» (образ деятеля, ставшего образцом мужества и стойкости в борьбе за свои убеждения, за которые он несправедливо пострадал).

Нами были проанализированы основные направления деятельности институтов памяти (акторы памяти и «места памяти»), которые

⁵ Там же. С. 5.

⁶ См.: Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь. М., 2014. С. 316–318.

⁷ См.: Малинова О. Ю. Указ. соч. С. 9, 10.

⁸ См.: Campbell J. The Hero with a Thousand Faces. Princeton, 2004. P. 309–315, 322–329.

⁹ См.: Мелетинский Е. М. Культурный герой. URL: <http://www.mifinarodov.com/k/kulturniy-geroy.html> (дата обращения: 10.09.2018).

¹⁰ См.: Мелетинский Е. М. Миф и двадцатый век. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky1.htm> (дата обращения: 10.09.2018).

¹¹ См.: Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007.

¹² См.: Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009.

способствуют героизации боровского исторического нарратива: инициативы органов местного самоуправления; деятельность местных СМИ, в частности публикации городских периодических изданий; книжные фонды учреждений культуры (Боровской центральной районной библиотеки, музеев); коммеморативные практики туристических организаций и краеведческих объединений, патриотических обществ, образовательных учреждений и религиозных институтов. Главным материалом для исследования стали разнообразные текстовые источники (нормативные, историко-краеведческие, публицистические, художественные, рекламные и т. д.), являющиеся основным «материальным носителем» местного институционального исторического нарратива.

Сохранение историко-культурного наследия и развитие туризма

Для рассмотрения проблемы героизации городского исторического нарратива необходимо прийти к пониманию контекста, в котором осуществляется данный процесс. Боровск почти не имеет промышленных предприятий, будучи скорее «лицом района». В последние годы в городе наблюдается ряд серьезных инициатив, которые преследуют цели сохранения его историко-культурного наследия и развития туристической сферы (что в обоих случаях является частью современного общероссийского тренда в малых городах). Можно констатировать, что история становится ценнейшим активом Боровска и ресурсом для его развития.

С 2014 г. общественность, представители учреждений культуры, краеведческих объединений, туристических организаций пытаются добиться для Боровска, имевшего до 2010 г. статус «исторический город», получения статуса «историческое поселение»,¹³ преследуя цель сохранения исторической застройки, которая, за редким исключением, не реставрируется и подвергается разрушению. Об экономических целях свидетельствует цитата с сайта Музейно-краеведческого комплекса «Стольный город Боровск»: «Статус исторического поселения даст Боровску реальное развитие и процветание, это его будущее и вечное насыщение финансами!»¹⁴ Очевидно, что при этом

Боровск делает ставку на исторический (культурный) туризм, причем большая активность наблюдается в течение последних 3–4 лет одновременно с активизацией движения за «историческое поселение». За этот период была создана АНО «Культурно-исторический центр “Боровский край”» с туристическим информационным центром, которая сотрудничает с НКО «Фонд развития малых исторических городов». Боровск стал официальным членом Ассоциации малых туристских городов России и предпринимает попытки войти в список туристского маршрута «Золотое кольцо России». Мэр города М. П. Климов в 2018 г. в интервью газете «Боровские известия» сообщил, что «основным направлением... является туризм. Промышленности в Боровске мало. Но история наградила город потрясающим обликом, требующим огромных вложений, как финансовых, так и трудовых. И предприниматели начали вкладывать средства в восстановление Боровска и объекты культурного наследия».¹⁵

Однако в этой сфере существуют проблемы, которые порождают напряжение в отношениях между властью и другими субъектами и могут помешать реализации инициатив. В частности, администрацию города обвиняют в попытке подавить частный туристический бизнес, а также в нежелании бороться за статус «историческое поселение» для города и в намеренном сносе части исторических сооружений, что противоречит ее публичным заявлениям.

Коммеморативные практики и патриотическое воспитание

Для решения задач исследования рассмотрим контекст патриотического воспитания в городе. Было установлено, что в последние годы в Боровске при непосредственном участии местной власти, Калужской епархии Русской православной церкви, патриотических обществ и образовательных учреждений заметно выросло количество коммеморативных практик и мероприятий, проводимых с целью патриотического воспитания. Это связано с тем, что О. Ю. Малина назвала очередным этапом российской «символической политики», который начался в 2011–2012 гг. и характеризуется большим вниманием властвующей элиты к политике идентичности, сильным креном в сторону «патриотизма» и «антизападничества» и расширением набора поводов для коммеморации в целях

¹³ См.: Завораживающее наследие // Боровск — сердце мое. 2018. 23 дек. № 11 (18). С. 4, 5.

¹⁴ Боровск — 1358. URL: <http://www.borovsk-1358.ru/ownmenu/protection-of-monuments/borovsk-history/> (дата обращения: 12.09.2018).

¹⁵ Боровские известия. 2018. 4 июля. № 93/94. С. 4.

формирования представлений о российской тысячелетней государственности.¹⁶

При этом особое внимание уделяется событиям военной, «героической» истории. В течение календарного года в городе организуется целый ряд патриотических мероприятий и коммеморативных практик, в той или иной степени связанных с военной историей города и страны (особенно — с Великой Отечественной войной). Благодаря инициативе местной власти в 2017 г. Боровску было присвоено почетное звание Калужской области «Город воинской доблести», а 18 августа 2018 г., в День города, в честь его 660-летнего юбилея состоялось открытие одноименной стелы.

В Боровске также проводятся крупные фестивали. С 2013 г. в День народного единства в Свято-Пафнутьевом Боровском монастыре проходит историко-культурный фестиваль «Оплот веры», включающий в себя историческую реконструкцию сражения русских войск с войском Лжедмитрия II в 1610 г. («Штурм крепости»). С 2014 г. в городе проходит военно-исторический фестиваль «Боровский рубеж», связанный с событиями Великой Отечественной войны. В 2016 г. здесь был проведен историко-патриотический праздник «Боровск сквозь века».

Очевидно, что важным для города является просвещение и патриотическое воспитание подрастающего поколения, в частности в рамках взаимодействия власти и церкви.¹⁷ Так, с 2013 г. в Боровске существует кадетское образование, а в 2014 г. создан военно-патриотический клуб «Кадеты» имени адмирала Д. Н. Сенявина. Кроме того, в последние годы в Боровске были организованы смены летнего палаточного православно-патриотического лагеря «Стратилат» при Свято-Пафнутьевом Боровском монастыре с целью воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма, «приобщения к славной истории предков».¹⁸ В ноябре 2018 г. в боровской школе № 1 прошел историко-краеведческий турнир «Боровский край: историко-культурный центр России».

Образы города в историческом нарративе и репертуар «актуального прошлого»

В ходе анализа источников нами были выделены образы города, представленные в мест-

ном институциональном историческом нарративе: «город-воин», «город-страж», «город-крепость», «щит земли Московской» («щит Москвы», «щит земли Российской»¹⁹). Данные образы свидетельствуют о намеренной связи города с российской столицей (не случайно Боровск называют еще и «городом на семи холмах» по аналогии с Римом и Москвой). Они указывают на военные, героические функции города и на его место в тысячелетней истории России и в то же время являются своего рода брендами города, служат для привлечения внимания.

На основе анализа акторов памяти и «мест памяти» мы выделили ряд событий «актуального прошлого» города, важность которых считается аксиомой. Основное место занимают военные события, образующие стройный сюжет для отражения героического прошлого города. При этом иные сведения (из профессиональной, культурной, экономической истории города) могут использоваться эпизодически для конкретных целей. Краткий репертуар «актуальных» фактов и событий исторического нарратива можно представить следующим образом:

— Боровск впервые упомянут в Духовной грамоте Ивана Красного в 1358 г.;

— в 1380 г. серпуховско-боровский князь Владимир Храбрый со своей дружиной выступил из Боровска на помощь великому князю Дмитрию Ивановичу и принял активное участие в Куликовской битве;

— в 1480 г., во время «Великого стояния на Угре», в Боровске располагалась ставка Ивана III;

— в город дважды приезжал с войском Василий III во время походов на Литву в первой четверти XVI в., ожидая нападения татар под руководством Мехмеда I Гирея;

— в 1610 г. стрельцы, монахи и боровчане, возглавляемые воеводой М. К. Волконским, защищали Пафнутьев монастырь от войск Лжедмитрия II и польского гетмана Яна Сапеги;

— в 1615 и 1618 гг. в город приезжал Д. М. Пожарский с целью сбора войска для похода против поляков;

— во второй половине XVII в. в Боровск были сосланы поборники старообрядчества — протопоп Аввакум и сестры боярыня Ф. П. Морозова и княгиня Е. П. Урсова;

¹⁶ См.: Малинова О. Ю. Указ. соч. С. 126, 170, 182, 184.

¹⁷ См.: Соработничество церкви и государства // Боровский просветитель. 2014. № 7. С. 20, 21.

¹⁸ URL: https://vk.com/svytay_palatka (дата обращения: 17.11.2018).

¹⁹ Лощкарева Н. П. Боровск — щит Московии молодой. Боровск, 2018.

— в 1777 г. Екатерина II в честь подвига боровчан во время обороны монастыря в 1610 г. утвердила герб Боровска, отражающий его ратные заслуги перед Отечеством;

— в 1812 г. город оказался в зоне событий Отечественной войны;

— в октябре 1941 — январе 1942 гг. территория Боровского района находилась в зоне боевых действий Московской битвы.

Сосуществование в репертуаре «актуального прошлого» элементов противоположных смысловых систем (с одной стороны, «героические» военные события, а с другой — гонения на старообрядцев) можно объяснить тем, что О. Ю. Малинова назвала «техникой коллажа»,²⁰ — игнорированием противоречий при отборе событий для расширения репертуара «актуального прошлого». В данном случае внимание акцентируется не на факте гонений, а на личностях Аввакума и его последователей, приобретающих героические черты.

Герои боровского исторического нарратива

В ходе исследования мы выделили ряд личностей, которые в историческом нарративе представлены в качестве героев истории Боровска. Это князь серпуховский и боровский Владимир Храбрый, святой Пафнутий Боровский, князь М. К. Волконский, протопоп Аввакум, адмирал Д. Н. Сенявин, а также боровчане — участники Великой Отечественной войны, удостоенные звания Героя Советского Союза. При этом главными признаками, которые в историческом нарративе определяют личность как «героическую», являются известность, патриотизм и наличие подвига.

«Великий патриот земли Русской» Владимир Храбрый в боровском историческом нарративе представлен и как «герой-воин», поскольку был участником Куликовской битвы, и как «герой-основатель», так как сыграл большую роль в становлении Московского княжества и даже, по некоторым данным, стал основателем Боровска (на самом деле Боровск был пожалован ему Дмитрием Донским в 1370-х гг.). Одна из современных сказок гласит: «Охотился как-то князь Владимир Андреевич неподалеку. Выехал из Дремучего Бора к реке нашей и обомлел: стоят над рекой семь холмов красоты неопикуемой ... — Быть здесь городцу, — повелел князь. — А зваться будет

сей городец Боровцом, поелику больно уж Бор здесь величав да весел» (курсив мой. — Д. К.).²¹

Преподобный Пафнутий Боровский, которому в 2016 г. в городе был установлен памятник, в историческом нарративе представлен как «герой-основатель», поскольку в 1444 г. им был основан монастырь Рождества Пресвятой Богородицы (ныне Свято-Пафнутьев Боровский монастырь); он же воспитал и плеяду учеников (например, преподобного Иосифа Волоцкого), которые способствовали становлению и укреплению церкви и государства. Кроме того, он рассматривается в качестве «героя-святого», «небесного покровителя Боровска», так как совершил «монашеский подвиг» и в 1547 г. удостоился официального церковного прославления.

Воевода Михаил Волконский, который в 1610 г. с небольшим гарнизоном стрельцов и боровчанами оборонял Пафнутьев монастырь, пытаясь перекрыть войскам Лжедмитрия II и Яна Сапеги путь к Москве, и погиб вместе со всеми защитниками «юго-западного рубежа Московской земли», представлен в качестве «героя-воина», защитника государства и православия. В частности, в 2010 г. к 400-летию подвига в стенах монастыря состоялось открытие памятного креста.

Протопоп Аввакум, которого дважды сослали в Пафнутьев монастырь в 1666–1667 гг., а также боярыня Ф. П. Морозова и княгиня Е. П. Урусова, которые умерли в Боровске в заточении в 1675 г., благодаря местной старообрядческой общине закрепились в современном историческом нарративе в качестве «героев-мучеников». Сам факт гонений на старообрядцев, как правило, игнорируется, но отмечается их «подвиг во имя старой веры», т. е. верность убеждениям, которая не противоречила их патриотизму, что стало основанием считать подвиг Аввакума и сестер «символом русского духа». При этом они приобретают черты образа «героев-основателей», во многом благодаря которым впоследствии Боровск стал местом сосредоточения старообрядцев, способствовавших экономическому развитию города. К тому же почитаемые среди староверов в лике святых лидеры старообрядческого движения считаются местной общиной «святыми небесными покровителями города Боровска»,²² а их всероссийская известность сделала его объектом паломничества.

²⁰ Малинова О. Ю. Указ. соч. С. 181.

²¹ Хомутильников П. Сказки о Боровце. Боровск, 2016. С. 8, 9.

²² Боровск. 650 лет. Боровск, 2008. С. 14.

«Героём-воином» в боровском историческом нарративе представлен адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин (1763–1831), участник многих военных кампаний, который родился в селе Комлево Боровского уезда Московской губернии (в 2 км от Боровска). В 2013 г. в центре города состоялось открытие памятника Д. Н. Сенявину в честь 250-летия со дня рождения флотоводца (в Комлево стела в честь адмирала была установлена еще в 1996 г.), а с 2014 г. торжественные мероприятия, посвященные Дню Военно-морского флота, проходят у его памятника.

В качестве «героев-воинов» представлены жители Боровска и окрестностей в целом, которые защищали свою землю во время Отечественной войны 1812 г. Согласно историческому нарративу, Боровский уезд и его жители оказались в самом центре событий и «боровчане делами доказали свою преданность Отчизне»,²³ всеми силами противостоя армии Наполеона, следовавшей через Боровск и Малоярославец на Калугу.

Наконец, Герои Советского Союза Г. И. Безобразов, А. Н. Кузин, Б. А. Лахтин, В. В. Мигунов, И. Н. Самохин, К. И. Фролов и П. И. Хрусталеv,²⁴ чьи имена увековечены на установленных в 2014 г. обелисках на Аллее Героев около Мемориала Славы с Вечным огнем на площади Ленина, в историческом нарративе представлены в качестве «героев-воинов» и являются маркерами, отмечающими героизм боровчан, защищавших Родину в годы Великой Отечественной войны.

Проблема конкурирующих версий прошлого

Процесс формирования «героической» версии прошлого в Боровске не обходится без проблем, связанных с наличием конкурирующих смысловых схем истории и выраженных в противостоянии отдельных представителей общественности и власти. Например, демонтаж в 2013 г. памятника Ленину — «культурному герою» советского нарратива — и его перенос из центральной части площади Ленина в сквер неподалеку ради «благоустройства территории» можно рассматривать в контексте продолжающихся процессов десакрализации героев советской мифологии и пролонгации российской истории до статуса «тысячелетней» в постсовет-

ской России. Эти действия администрации города вызвали недовольство ряда граждан, которые сочли их покушением на историю страны. Подобная критика, очевидно, свойственна людям, воспитанным на советской системе ценностей.

Другим примером является попытка местного художника В. А. Овчинникова увековечить память о жертвах репрессий советского периода в Боровском крае. Несмотря на то что в результате долгих требований со стороны В. А. Овчинникова 29 октября 2017 г., в канун Дня памяти жертв политических репрессий, на площади Ленина наконец установили памятный знак в виде Соловецкого камня, местная власть не видит смысла завершить мемориальный комплекс с поименным списком репрессированных, поскольку, по мнению ее представителей, он может стать символическим антагонистом расположенному рядом Мемориалу Славы с братским захоронением погибших в годы Великой Отечественной войны и не соответствует «общепринятому пониманию долга перед Родиной», а также не несет в себе воспитательных функций, а следовательно его значимость для исторической памяти сомнительна.²⁵ В. А. Овчинников в настоящий момент обращается к местным органам власти с лозунгом «Память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах».²⁶

Актуализация памяти о жертвах советских репрессий становится распространенным явлением в постсоветской России, как на уровне федеральной власти (пусть с большой осторожностью и без оценок советскому руководству),²⁷ так и на локальном уровне (эта тема пропагандируется активистами, но с большой осторожностью затрагивается органами местного самоуправления). В целом, данные примеры подтверждают то, что местная власть тщательно отбирает события для репертуара «актуального прошлого», оставляя «неподходящие» элементы в пространстве «пассивной» памяти.

* * *

В настоящее время история Боровска может рассматриваться в качестве главного символического и экономического ресурса города. В частности, местные институты во главе с органами городского самоуправления используют историческую память для формирования групповой идентичности. Как пишет Л. П. Репина, «главная роль в конструировании

²³ Хомутильников П. Боровск — сердце мое: очерки истории Боровского края. Боровск, 2018. С. 120.

²⁴ См.: Боровчане — Герои Советского Союза // Боровск — сердце мое. 2018. 17 авг., № 8 (15). С. 6.

²⁵ См.: Боровские известия. 2018. 30 мая, № 75/76. С. 7.

²⁶ URL: https://vk.com/id380153291?w=wall380153291_13%2Fall (дата обращения: 18.11.2018).

²⁷ См.: Малинова О. Ю. Указ. соч. С. 172, 173.

коллективной идентичности принадлежит памяти о «культурных героях» и переломных событиях прошлого...».²⁸ Очевидно, что «героическая» версия прошлого затмевает остальные факты и события из истории города и края, которые являются частью «пассивной» памяти. При этом процесс героизации институ-

ционального исторического нарратива не обходится без проблем, связанных с частными проявлениями пропаганды среди населения элементов конкурирующих смысловых схем истории, несовместимых с формирующимся в институциональном измерении «героическим» повествованием.

Dmitrii A. Kaunov

Post-graduate student, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: dkaunov93@gmail.com

HEROIZATION OF THE HISTORY OF THE TOWN OF BOROVSOK, KALUGA REGION

Over the past decade in the town of Borovsk, Kaluga Oblast, there has been an intensification of the process of heroization of the local “public history” content — historical narrative in the institutional dimension. This process is carried out by local museums, tourist, cultural-historical organizations and educational institutions with participation of local authorities and religious institutions as well. Heroization of historical narrative is aimed, in particular, at increasing the tourist attractiveness of the town and patriotic education of its inhabitants. The main characters of the local heroic narrative are prominent historical figures — the “heroes” of the Borovsk “public history”, whose historical role is important both in the local and national context. The study has demonstrated that the most important tool for the future development of the town is history, which becomes the predominant discourse of the present of the town in the institutional dimension. History is the main symbolic and economic resource of the town that has few industrial enterprises within its territory.

Keywords: *Borovsk, small town, public history, historical narrative, heroization, historical figures, historical memory, local identity, Russian civil identity, patriotism, tourism*

REFERENCES

- Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past. Memorial culture and historical politics]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2014, 328 p. (in Russ.).
- Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory. Letter, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, 368 p. (in Russ.).
- Brandenberger D. L. *Natsional-bol'shevizm. Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovaniye russkogo natsional'nogo samosoznaniya (1931–1956)* [National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity (1931–1956)]. Saint Petersburg: Akademicheskij Proyekt, DNK Publ., 2009, 416 p. (in Russ.).
- Campbell J. *The Hero with a Thousand Faces*. Princeton: Princeton University Press, 2004, 403 p. (in English).
- Malinova O. Yu. *Aktual'noye proshloye: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchey elity i dilemmy rossiyskoy identichnosti* [Actual past: The symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2015, 207 p. (in Russ.).
- Meletinsky E. M. *Kul'turnyy geroy* [Culture Hero]. Available at: <http://www.mifinarodov.com/k/kulturnyy-geroy.html> (accessed: 10.09.2018). (in Russ.).
- Meletinsky E. M. *Mif i dvadtsatyy vek* [Myth and the twentieth century]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky1.htm> (accessed: 10.09.2018). (in Russ.).
- Repina L. P. [Memory and knowledge of past events in historical consciousness and identity narratives]. *Sobytiye v istorii, pamyati i narrativakh identichnosti* [An event in history, memory and identity narratives]. Moscow: Akvilon Publ., 2017, pp. 9–17. (in Russ.).
- Shenk F. B. *Aleksandr Nevskiy v russkoy kul'turnoy pamyati: svyatoy, pravitel', natsional'nyy geroy (1263–2000)* [Alexander Nevsky in Russian cultural memory: saint, ruler, national hero (1263–2000)]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2007, 592 p. (in Russ.).
- Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar'* [Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary]. Moscow: Akvilon Publ., 2014, 576 p. (in Russ.).

²⁸ Репина Л. П. Указ. соч. С. 12.